

ВСЁ В НЁМ ГАРМОНИЯ...

Арсений Замостьянов,
кандидат филологических наук

Двести двадцать лет назад родился Александр Пушкин — не просто поэт, а золотое сечение нашей литературы. Летучий пушкинский почерк стал кардиограммой русской культуры, а его стихи и мысли во многом определили национальный характер.

Ключевые слова: золотое сечение, пушкинский феномен, патриотическое самосознание, русская литература

Представить себе Россию без Пушкина невозможно. Слишком много он значит для нашей цивилизации, начиная с языка, на котором мы говорим и мыслим. Ни об одном русском человеке не написано столько книг и диссертаций. Изучен каждый день из жизни поэта — почти по минутам. Рассмотрена в лупу каждая строчка, включая черновики. Пушкинистика стала образцово-показательной отраслью гуманитарной науки. Пушкина если и пытались ниспровергнуть, «сбросить с парохода современности», то из напускного эпатажа, и серьёзных последствий эти попытки не имели. Для каждой эпохи в истории нашей страны Пушкин оказывался необходимым.

И детства милые виденья...

Он родился в Москве, в приходе Богоявленской церкви, что в Елохове. Сейчас на её месте возвышается пятиглавый собор,

а тогда это был скромный небольшой храм. Там и был крещён сын отставного майора Сергея Пушкина, названный Александром. Уже в детские годы в его душе поселились «преданья старины глубокой» — и это неизменно выделяло Пушкина из череды ровесников, увлечённых исключительно иноземной фактурой. Мальчиком по крутой лестнице он поднимался на колокольню Ивана Великого и оглядывал московские окрестности, купола и башни, усадьбы и приземистые лачуги. Воображение дорисовывало картины сражений и царских забав, о которых он слышал от воспитателей. Он знал, что становление московской державы связано с «его родословной», с Пушкиными, которые «водились с царями». «Имя предков моих встречается поминутно в нашей истории» — это всегда было важным для Пушкина. Он рано прочувствовал своё родство с Отечеством, с прошлым и настоящим России:

**В младенчестве моём я чувствовать
умел,
Всё жизнью вокруг меня дышало,
Всё резвый ум обворожало...**

«Для Пушкина русская история и Россия были как бы своей семьёй, своим домом, по-семейному родным, и история была чем-то вроде расширенной их, Пушкиных, семейной хроникой», — писал историк Евгений Тарле. Поэту и герои «Бориса Годунова» стали для него не химерами, а живыми людьми, которых не нужно ни идеализировать, ни проклинать.

Была у Пушкина не только белокаменная малая родина, но и альма-матер — Царскосельский лицей. Явление удивительное, осуществлённая утопия в духе Монтескье или Вольтера. Лучшие педагоги, продуманная система воспитания, изысканные интерьеры и ландшафты, скромные «кельи» лицеистов — всё соответствовало продуманному замыслу. Из этого питомника должны были выйти настоящие сыны Просвещения, государственные мужи, достойные великого будущего России.

Юность Пушкина пришлась на «грозу 1812 года». Тем летом по Садовой улице мимо чертогов Лицея шли войска — гвардейские полки, отряды ополченцев. Шли, чтобы принять бой за Отечество. В те дни лицеистов невозможно было удержать в классах — они бросались к воинам, восторженно смотрели им вслед. Эти картины сохранились в пушкинских стихах:

**Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирает
Шёл мимо нас...**

Пушкин знал, что сражения идут в подмосковном Захарове — там, где он жил в детстве. Рвался в бой, как и другие лицеисты, но учителя сумели объяснить воинственным мальчишкам, что их долг — учиться, чтобы в свой черёд прийти на смену героям Бородина. Оставалось только рисовать русских grenадеров на полях тетрадей и слагать стихи в их честь. Каждое воскресенье учителя зачитывали лицеистам репортажи о ходе сражений.

Учился Пушкин без усердия. В итоговом списке успеваемости занял 26-е место из 27. Ему напрочь не давалась математика, да и вообще он не собирался подчинять свою интеллектуальную жизнь требованиям учебной програм-

мы. Один из лучших профессоров лицея, филолог Николай Кошанский дал своему ученику такую характеристику: «Александр Пушкин больше имеет понятливости, нежели памяти, более имеет вкуса, нежели прилежания». Но главное, что он завоевал лавры первого лицейского стихотворца. Его — юнца — высоко ценили маститые поэты, начиная со «старика Державина», который говаривал: «Пушкин уже в Лицее перецеголял всех писателей».

При всех достоинствах Лицея в этом сугубо элитарном, придворном учебном заведении легко было впасть в снобизм по отношению к не столь изящной российской действительности, к людям, которым далеко до царскосельской мерки. Многие не устояли перед этим соблазном. А Пушкин в ампирных лицейских стенах задумал сказочный эпос в простонародном былинном духе — «Руслана и Людмилу». Шутливая поэма принесла Пушкину первую славу. В ней нет глубин, присущих будущим его сочинениям, но смелый аттракцион картин, смешение фантастики, юмора и лирики — всё это захватывало читателя и отпугивало «литературных староверов».

Наиболее показателен раздражённый отзыв магистра словесности Андрея Глаголева в «Вестнике Европы»: «Возможно ли просвещённому или хоть немного сведущему человеку терпеть, когда ему предлагают новую поэму, написанную в подражание Еруслану Лазаревичу?... Позвольте спросить: если бы в Московское Благородное Собрание как-нибудь втёрся (предполагаю невозможное возможным) гость с бородою, в армяке, в лаптях, и закричал бы зычным голосом: здорово, ребята! Неужели бы стали таким проказником любоваться? Бога ради, позвольте мне, старику, сказать публике, посредством вашего журнала, чтобы она каждый раз жмурила глаза при появлении подобных странностей. Зачем допускать, чтобы плоские шутки

старинны снова появлялись между нами! Шутка грубая, не одобряемая вкусом просвещённым, отвратительна, а нимало не смешна и не забавна».

И это писал не сановитый старец, а молодой филолог и археолог, недавний выпускник Московского университета, знаток греческой трагедии. Ему, ценителю изящной словесности, похождения Людмилы и Руслана казались неприемлемыми. Между тем именно в этой поэме рождался русский литературный язык. Это прочувствовал Василий Жуковский, подаривший Пушкину свой портрет с надписью «Победителю ученику от побеждённого учителя в сей высокочестивый день, в который он окончил поэму “Руслан и Людмила”». И мужик в армяке для изящной словесности не помеха, а помощник. Пушкин и впредь не стеснялся самые мысли излагать с помощью народных пословиц — одна «Капитанская дочка» чего стоит! Он провозглашал: «Разговорный язык простого народа (не читающего иностранных книг и, слава богу, не выражающего, как мы, своих мыслей на французском языке) достоин глубочайших исследований. Альфиери изучал итальянский язык на флорентийском базаре: не худо нам иногда прислушиваться к московским просвирям. Они говорят удивительно чистым и правильным языком».

Национальный поэт

В начале XIX века русский язык переживал не лучшие времена. Считалось, что он не предназначен для высокой литературы. Куда престижнее говорить по-французски — с раннего детства! Русские дворяне, рождённые в 1790—1820-е, почти не писали на «языке родных осин», да и говорить, а то и думать предпочитали по-французски. Многие и вовсе превращались в иностранцев — по вкусам и пристрастиям, по духу. Во многом этому поветрию способствовало всеобщее представление о слабости русского искусства и литературы, о безыскусности русского го-

вора, который, как казалось повесам и вертопрахам, непригоден для остроумной непринуждённой беседы. С этой тенденцией неистово боролся Александр Шишков — адмирал, филолог, но ему не удалось создать литературную школу. Не хватало литературного изящества, таланта. Писатели относились к чересчур категоричному адмиралу настороженно, и Шишков легко становился мишенью для недобрых, зачастую несправедливых шуток.

Пушкин и сам в юности не без гордости носил прозвище Француз, которое ему присвоили за любовь к языку Парни и Вольтера. Но Пушкин не был бы «сыном гармонии», если бы это увлечение зашло для него стихию русской речи. Ещё в Лицее он задумал изменить положение вещей, доказать, что и в России литература способна играть заметную роль, влиять на общественные настроения, на вкусы... И он стал нашим первым национальным поэтом, законодателем мод, который приучил публику к русским стихам. Пушкин создал образцы и для светского остроумия, и для грозных государственных заявлений, и для объяснений в любви. А главное — это был гибкий и выразительный литературный язык, который стоит в основании всей послепушкинской словесности.

Эта миссия была по плечу только Пушкину. Элегии Жуковского — и переводные, и оригинальные — близки к совершенству. «Гений чистой красоты» — эта крылатая пушкинская строка восходит к автору «Светланы», самозабвенно служившему литературе. Но по Жуковскому невозможно судить о тогдашней России: в его стихах не хватает наших корней и почвы. А Пушкин дал определение всему, что его окружало.

Михаил Лермонтов виртуозно владел стихом с юношеских лет, а к 27 годам создал классические образцы и в прозе, и в драматургии. Его считали достойным продолжателем Пушкина, но стать

«солнцем» русской литературы автор «Демона» не смог. Слишком сумеречен его талант, его образ романтического язвительного изгоя. Не хватало жизнелюбия, света!

Да они и не оспаривали пушкинских приоритетов. Как и Николай Гоголь, пытавшийся разгадать тайну Пушкина, найти для неё определение: «В нём русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла». Язык соответствовал душе, форма — замыслу. «Истинный вкус состоит не в безотчётном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности» — такова формула пушкинской гармонии. Для возрождения русской речи Пушкин сделал больше всех. Во многом именно его усилиями с середины XIX века прекратилась повальная галломания нашей аристократии. И о детях Татьяны Лариной уже нельзя было сказать: «Изъяснялся с трудом на языке своём родном». Они стали читателями Пушкина.

Свободный ум

В советское время чрезвычайно актуальной считалась тема «Пушкин и декабристы». Его сочувствие казнённым и сосланным участникам тайных обществ, его оппозиционные настроения совпадали с тогдашней концепцией царской России как «тёмного царства» и «тюрьмы народов». Некоторые пушкинские строки действительно при желании можно счесть проявлением русской революции:

**Товарищ, верь: взойдёт она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!**

А «Клеветникам России», «Бородинская годовщина» и другие его стихи «во славу» николаевской империи считались временным переходом в стан «охранителей», чуть ли не помрачением ума. Но загнать Пушкина в рамки некой политической тенденции невозможно. Поэт скептически относился к республиканским новациям, он видел в них новое порабощение,

более изощрённое, чем у деспотов классической школы. Его не обольщал «парламентаризм» — «слова, слова, слова, от коих не одна кружится голова». Он не был строгим поборником какой-либо политической идеи — в переписке с друзьями Пушкин часто подвергал сомнениям любые устоявшиеся убеждения — как либеральные, так и консервативные. Его привлекало многообразие, противоречивое и живое, а фанатизм отпугивал. Вольнодумцев в России хватало во все времена, но они, как правило, тенденциозны. А Пушкин стал независимым комментатором своей эпохи. Поэтому и сумел создать в стихах энциклопедию русской жизни. Неангажированную.

При этом слухи о нём ходили самые невероятные — в том числе при дворе. И не только в России. Один из тайных агентов министра иностранных дел Австрии Клеменса фон Меттерниха доносил своему шефу после гибели Пушкина: «Он стоял во главе русской молодёжи и возбуждал к революционному движению, которое даёт себя чувствовать во всех концах мира». Но это — из области ненаучной фантастики.

Как никто из поэтов, Пушкин диалектичен. Это придаёт его поэзии особую высоту и взвешенность. Он знал парадоксальный норов житейских бурь и не ставил поспешных оценок ни прошлому, ни настоящему. Поэтому для него нет ничего удивительного, например, в том, что:

**Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.**

Пушкин первым в русской литературе вывел на сцену неоднозначных героев. Пугачев, Онегин, Герман, Пётр Великий, Борис Годунов, даже Дубровский — их не записать ни в положительные, ни в отрицательные. Каждый из них совершает преступления, но при этом не лишается авторской симпатии.

Многим памятен вздох царя Бориса: «Ох, тяжела ты, шапка Мономаха». Афоризм на все времена. Но перед этим он произносит не менее важную реплику: «Но презирать не должно ничего». В этих словах — пушкинское кредо. В мире Пушкина нет ничего inferнального. У каждого своя правда, ни на ком нельзя ставить крест. «Жизни мышья беготня» сложнее, чем прямолинейное противостояние «чёрных» и «светлых» сил.

Он писал и о себе, и о других проще и логичнее, чем предшественники. Избегал головоломных аллегорий, предпочитая «прекрасную ясность» непринуждённого разговора, в котором находится повод и для шуток, и для печали, и для экскурсов в прошлое... Он занимался не «шифрованием пустоты», а разгадыванием человеческой природы.

Таков «Евгений Онегин». Мы подчас воспринимаем «даль свободного романа» как незыблемую классику и забываем, что это программная вещь, с вызовом. Стихи, растрованные в прозе. Аналог этому роману — байроновское «Паломничество Чайльд-Гарольда». Но Байрон — демонический скептик, да ещё и боец, агрессивный возмутитель спокойствия, а для Пушкина важнее любование жизнью в её повседневных деталях, от шляпы-болливара до брусничной воды. Так романтизм превращается в реализм. Хотя, когда речь идёт о поэтах, создавших собственные миры, все эти термины условны.

«Я не хотел бы переменить Отечество...»

Пушкин подчас испытывал и гнев, и раздражение, и «русскую хандру», но не пускал эти слабости в стихи и прозу. Он мог написать в частном письме Петру Вяземскому в 1826-м: «Я, конечно, презираю отечество моё с головы до ног — но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство. Ты, который не на привязи, как можешь ты оставаться в России? Если царь

даст мне свободу, то я месяца не останусь». Немного поостыв, в постскриптуме он разъяснил природу своего раздражения: «Я теперь во Пскове, и молодой доктор спьяна сказал мне, что без операции я не дотяну до 30 лет. Незабавно умереть в Опоческом уезде». Такие мысли приходили в смятенном состоянии. Но когда он всерьёз брался за перо, обиды не принимались в расчёт. И Пушкин становился мудрецом, далёким от мелочного пессимизма. Патриотический мотив — один из важнейших в симфонии Пушкина. Это искреннее, органическое чувство — он никогда не писал торжественных од в расчёте на царскую милость, на золотую табакерку или перстень. Вот и в «Евгении Онегине» речь идёт о любви, соперничестве, о разочарованиях сноба, но постоянно прорывается патриотический контекст — и это не дань условностям, а лучшие строки «свободного романа»:

**Напрасно ждал Наполеон,
Последним счастьем упоенный,
Москвы коленопреклоненной
С ключами старого Кремля:
Нет, не пошла Москва моя
К нему с повинной головою.**

Здесь нет помпезных деклараций, восклицаний, эти строки спаяны твёрдым чувством, естественным, как дыхание.

В пушкинской логике и поэты, и художники, и воины выполняют одну задачу: отстраивают и защищают здание русской культуры. Пушкин сетовал: «Россия слишком мало известна русским». Ситуация изменилась во многом именно стараниями автора «Медного всадника»: Россия проявилась в литературе, на сцене, в музыке, живописи... Неслучайно Пушкин с таким жаром приветствовал появление и оперы Михаила Глинки «Жизнь за царя», и картин Карла Брюллова. Наследниками Пушкина считали себя и композиторы «Могучей кучки», и художники-передвижники с их русской нотой.

Золотое сечение

Пушкинский патриотизм сказывался даже в ремарках. В «Борисе Годунове» он называл Григория Отрепьева то Самозванцем, то Лжедмитрием. Но, когда Самозванец останавливает в братоубийственном бою своих разбушевавшихся воинов («Довольно; щадите русскую кровь»), он становится Дмитрием. Можно ли красноречивее показать систему ценностей поэта, в которой «любовь к родному пепелищу» — основа основ?

Когда Пётр Чаадаев в своём «Философическом письме» изложил нигилистическую точку зрения на прошлое России, Пушкин ответил ему пространным письмом: «Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться. Войны Олега и Святослава и даже удельные усобицы — разве это не та жизнь, полная кипучего брожения и пылкой и бесцельной деятельности, которой отличается юность всех народов? Татарское нашествие — печальное и великое зрелище. Пробуждение России, развитие её могущества, её движение к единству (к русскому единству, разумеется), оба Ивана, величественная драма, начавшаяся в Угличе и закончившаяся в Ипатьевском монастыре, — как, неужели всё это не история, а лишь бледный и полузабытый сон? А Пётр Великий, который один есть целая всемирная история! А Екатерина II, которая поставила Россию на пороге Европы? А Александр, который привёл вас в Париж? И (положа руку на сердце) разве не находите вы чего-то значительного в теперешнем положении России, чего-то такого, что паразит будущего историка?»

Чтобы понять накал этого вежливого спора, нужно представлять, что значил Чаадаев для Пушкина. «Мой друг, Отчизне посвятим души прекрасные порывы» — это адресовано ему, старшему товарищу, которого Пушкин считал умнейшим человеком в России. Но, когда Чаадаев замахнулся на историю Отечества, поэт не мог смолчать... «Ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал», — таков его непритворный вердикт.

Однажды Пушкин провозгласил не без иронии: «Поэзия должна быть глуповата». Он действительно чурался в стихах суховатой рассудительности, которая свойственна, к примеру, Баратынскому и Тютчеву. Но он добивался не легковесности, а гармонии. Оказалось, что и здравый смысл вовсе не противоречит поэзии. Нужно только найти единственно точные слова, чтобы совместить «ума холодные наблюдения и сердца горестные заметы».

В одном из лучших своих лирических стихотворений Пушкин обронил такой комплимент красавице: «Всё в ней гармония, всё диво, всё выше мира и страстей». Эти слова можно переадресовать и самому автору.

Недостижимым в русской литературе остаётся пушкинское умение благословлять жизнь, писать о счастливой любви, о грусти без отчаяния. Это высшее искусство: «Мне грустно и легко; печаль моя светла». Изображать в стихах трагическую позу, рвать в клочья страсти и жаловаться на горькую судьбину куда привычнее и проще, а Пушкину — единственному — были доступны светлые, солнечные тона.

В своём «Памятнике» он дерзко мечтал о всенародной посмертной славе. Чтобы «не заросла народная тропа». Зимой 1837 года, года поэт «пал, оклеветанный молвой», мало что свидетельствовало в пользу этого пророчества. Журналист Андрей Краевский нашёл для некролога на редкость точные слова: «Солнце русской поэзии закатилось! Пушкин скончался, скончался во цвете лет, в середине своего великого поприща!», чем вызвал негодование министра народного просвещения Сергея Уварова: «Какое это такое поприще? Разве Пушкин был полководец, военачальник, министр, государственный муж? Писать стишки не значит ещё проходить великое

поприще!» Но уже через два десятилетия высокое значение Пушкина для русской культуры никто не оспаривал. А в 1880 году Фёдор Достоевский произнёс слова, к которым присоединилась вся просвещённая Россия, независимо от политических и эстетических пристрастий: «Не было бы Пушкина, не определились бы, может, с такой непоколебимой силой... наша вера в нашу русскую самостоятельность, наша сознательная уже теперь надежда на наши народные силы, а затем и вера в грядущее самостоятельное назначение в семье европейских народов».

В советское время Пушкина представляли, по саркастическому определению Юрия На-

гибина, эдаким «генеральным секретарём писательского политбюро». Доля истины есть и в таком видении пушкинской роли в истории русской культуры. Ведь именно к Пушкину у нас идут едва ли не все дороги не только в литературе, но и в живописи, музыке, театре... Он остаётся нашим «золотым сечением», образцом гармонии и великой тайной, которую всегда будут разгадывать читатели и почитатели.

Солнце Пушкина не померкло, время «в детской резвости» не поколебало «памятник нерукотворный». Пушкин на этом пьедестале в одиночестве. Его нечем заменить и некого поставить рядом.

